

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ

Париж. Воспарение

[21]

ИЛ 3/2020

Поэма

Перевод МИХАИЛА ЯСНОВА

— Дай, Путник, руку мне — поднимемся, мой друг,
На Башню; посмотри внимательно вокруг
На север и на юг, окидывая взглядом
И горизонт вдали, и мир с тобою рядом.
О, этот жадный взгляд, горящий взгляд змеи,
Готовой воплотить желания свои,
Все, что кругом ползет, глазами пожирая!
Перед тобой земля, где без конца и края
Царит свободный взгляд, который ты готов
Как повелитель туч, и молний, и ветров
Бросать в пространство, вниз, пронзая тьму ночную,
Туда, куда перстом тебе я указую.

— Я вижу черный круг, широк он и глубокий,
Нет у него границ, нет по нему дорог.
Его теснят холмы и окружают, вроде
Ограды, и нигде дань не отдать Природе:
Творенья рук людских — повсюду и во всем,
Мир переполнен человеческим трудом.
Углы среди углов — теснятся в беспорядке
Его бесчисленные ныне отпечатки,
И, кажется, живешь среди могильных плит.
Сквозь дымку темную внизу вода кипит,
И волны вспыхивают пламенем мгновенным,
Как бриллианты, обрамленные эбеном.
Река петляет на пути своем большом,
То там, то здесь она свивается ужом.
О, тени на воде — дворцы, соборы, шпили,
Руины башен, поседевшие от пыли,
И крепости, векам глядящие вослед,

© Михаил Яснов. Перевод, 2020

Альфред де Виньи (Alfred de Vigny, 1797–1863) — поэт, романист, драматург. Перевод *Paris. Élévation* выполнен по изданию “Œuvres complètes”. — Paris: Éditions du Seuil, 1965.

И прямо в небеса вонзенный минарет,
И колокольни, и форты, и колоннады,
Сады и парки, и беседки, и аркады —
Все умножается, растет как на дрожжах,
Влечет тебя к себе и льнет к тебе впотьмах.
Внизу туман огней подобен сновиденью.
Донжон, где мы стоим, восходит грозной тенью
В кругу других теней; не здесь ли был Господь,
Успевший циркулем побережье проколоть?
Огонь, оставшийся у бездны в лоне черном,
Сверкает Колесом иль раскаленным Горном...

— Да, это Колесо. Когда-то довелось
Творцу одушевить невидимую ось.
Никто не знает цель, куда оно стремится.
То колесо — ПАРИЖ. И все на свете спицы,
Все оси на земле зависят в свой черед
От скорости, с какой он Францию влечет.
Бессмертный движитель, Париж, ось мироздания,
Вся глубина мечты, вся красота деянья,
Он властелин пружин, любой его приказ
Они передадут друг другу в тот же час.
Все движется, снует, прыжки, скачки, кульбиты,
Пружины, рычаги и поршни ладно сбиты,
И стрелка на часах обходит циферблат,
Не смея ни вперед податься, ни назад.
У каждого свой ритм. Все слушают, внимая
Шагам ведущего. Дорога их прямая
Им говорит одно: нога к ноге идем —
И к цели движемся рассчитанным путем.
Все части — заодно. Бывало и такое,
Что некий механизм, решивший жить в покое,
Отдельно ото всех, прервал всеобщий труд —
И уничтожен был за несколько минут.
Его, презревшего одно со всеми дело,
Как руку, отсеки от страждущего тела.
Париж не испугать! И можно заменить
Любое колесо, но не прервется нить.
Пускай хоть вспять ползут — ему смешны уловки,
Он сможет и один идти без остановки.
И ты увидишь мощь тех, кто в последний миг
Сумеют раскачать застывший маховик.
Чтоб не прервался труд, работа не застыла,
Лучами встретит их и озарит светило.
Ты, Путник, этот мир, пылающий в ночи,
И Колесом назвал, и вспомнил о Печи.

В твоих сравнениях звучат слова провидца:
Горн пестует огонь — он лавою пролиться
Из Кузни мировой на все вокруг готов,
Как купол храма, достигая облаков.
И летом, и зимой, когда всю ночь мы слышим
Вой ветра за окном и шум дождя по крышам,
Все спит, и лишь Творцам безвестным не заснуть —
Их безымянный труд свой начинает путь...
Их лампы за полночь горят, а днем тускнеют,
С ночным огнем сравниться днем они не смеют,
И никогда он не погаснет, сей Очаг,
Чье пламя теплится сейчас у нас в очах
И отражается на куполе небесном,
И ореолом над Землей плывет чудесным.
Безвестные творцы! Бледнеет их чело,
То рвут черновики, то пишут набело,
Смятение в душе, надежда без оглядки —
Мечта найти ответ на вечные загадки,
Что загадал Господь, и вот который век
Ответы праведные ищет человек.
У каждого своя на этот счет идея.
Один ученый муж¹, в отчаянье радея
О Божьем промысле, туманном искони,
Изгоем вопиет: “Лама савахфани!”²
Слезами с кровью он омыл Христово тело,
Венец его, копьё и губку, то и дело
Твердя: “О, Иисус, явись, как ты предрек!
Все заждались тебя — и тварь, и человек,
И Церковь возроди из праха и из пепла,
Чтоб вера твоего апостола окрепла.
Цари, презрев раскол, и в назиданье нам
Повергни стражников к божественным стопам”.
Но тело Божие во все века хранимо —
Будь ты приверженец или противник Рима,
Не шелохнется, нет, святая эта плоть,
И скудный твой алтарь давно забыл Господь.
Не шелохнется, нет... Его уста немые
Не призовут тебя, второй Иеремия,
И станешь ты опять один, как перст, в миру
С людским страданием вести свою игру.

1. Г-н аббат де Ламенне (*Здесь и далее, кроме оговоренного случая, — прим. автора*).

2. “Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?” — последние слова распятого Христа (Мф. 27:46). (*Прим. перев.*)

“Свобода!” — это крик уже другого¹. Ныне,
Как жертва, он лежит у ног своей Богини.
Напрасно сорок лет сраженьям отдал он —
Мир не отстроил вновь, а сам тоской сражен.
Ну что ж! Вокруг него толпа чернорабочих.
Пускай они слепцы, но не прогонишь прочь их,
Из тени в тень бредут неведомым путем,
Куда за ними вслед и мы впотьмах бредем.
Деревья без корней, мы подвижны единым
Желанием придать и смысл, и суть руинам.
Но было писано: живет внутри у нас
То зло, которое убьет нас в смертный час.
Смотри: рабочим вслед идет толпа слепая²,
На их погибшие деяния ступая,
Свободу растоптав и ставший прахом миф
Всеобщим Равенством поспешно заменив.
Мы все нуждаемся в своем особом храме,
Толпа прибежище восставила над нами —
Вселенский Храм, где на алтарь несут не хлеб,
Не кровь и не вино, будь зряч ты или слеп, —
Все жертвою святой во имя искупленья
Приносят веру, жизнь, эпоху, отречение
От всех своих Корней, от Нации... Один,
Без роду-племени оставшись, гражданин
Готов чужим словам довериться в согласье,
Что цель — единство всех, а труд — дорога к счастью,
И новые слова придут во всей красе:
Все будут зваными и избранными — все!
Итак, запретов нет! Как видишь, нет и статуй
Богов, и Королей... Любой их враг заклятый
С кувалдой, топором и молотком в руках
Готов их сокрушить, разбить, повергнуть в прах!
Свинец и золото, с любым металлом в тигле
Сплетясь в одно, таких температур достигли,
Каких не выдержит простая наша печь.
Огонь дымит, трещит и сплав готов потечь,
Твердеет заново, то корчится, то гнется,
А как ему в ночи свистится и поется!
Шипит, звенит, гудит и рвется в высоту,
И огненной змеей сгорает на лету!
Сметает пламя все — труд, тружеников, прочих,

1. Бенжамен Констан.
2. Школа Сен-Симона.

Пришедших их сменить безропотных рабочих...
О, этот ад и рай! Тьма и огонь! Париж!
Ты, верно, лучше всех! Ты хуже всех! Но лишь
Очарование величием, которым
Мы издавна больны и бредим до сих пор им.
Там, в этом пламени, куется новый мир:
Комета ли, звезда, зенит или надир, —
Он блещет сквозь дымы, и, вниз бросая взор, мы
Следим, как он царит и обретает формы,
Столь неожиданные, чистые, что их
Мы можем символом считать путей земных.
Пред ликом Божиим предстанет он, холодный,
А может быть, звездой засветится свободной.
Единство и любовь сквозь годы поведут
Род человеческий на свой последний суд.
А может, это меч, сверкающий, похожий
На тот, что осушил у Евы слезы, — Божий
Мир, шар земной клинком готовый распахать,
Как поле, боль и смерть посеяв в нем опять?
Он скосит как траву людей и их творенья,
Их каждый шаг и миг — он всё предаст сожжению,
Оставив за спиной пустыню, и она
На все грядущие застынет времена.
А может быть, везде, где разгорится пламя,
Где души, трепеща, расстанутся с телами,
Там, на колени пав, Народы и Цари
Вскричат: “Скорей, земля, к себе нас забери!
Нас все равно вот-вот погибель ожидает —
Вновь восстает Париж и путь нам преграждает!”

— Что ты выковываешь в кузне, где стеной
Давно встает огонь под формою стальной?
Все это лишь замес, прикидка, заготовка,
Ты молотом своим орудуешь так ловко,
Болванку бьешь со всех сторон, чтобы она
Была трудом твоим в деталь превращена.
Твой ненасытный раб орудует на славу —
И за Огнем следит и направляет лаву,
С огромной головой и жадным взглядом он
Игрой теней с огнем безмолвно упоен.

Я сам себя прервал, бескрайней ночи внемля,
Когда столичный шум, заполонивший землю,
Холодным ветром из ночных глубин влеком,
Достиг той Башни, где стояли мы вдвоем.
Как трудно разуму с иллюзией смириться!

Помстилось: в Колесо я смог преобразиться,
И так сверкали и земля, и небеса,
Что, ослепленный, я на миг прикрыл глаза.

– Ах! – Путник продолжал. – На Башне столь

высокой

Становится душа смертельно одинокой
И так страшится плоть, – что мы с тобой вдвоем
Стремимся стать одним единым существом.
Хватайся за меня – и за тебя схвачусь я.
Как боязно смотреть на пламенное устье
Потока, что блазнит нас тайною своей!
За город я боюсь и за его людей.
Отсюда видно мне: там, в небе, в промежутке
Меж тучами, навис огромный камень, жуткий
Утес, явление которого пророк
В том откровении, известном всем, предрек.
Тот камень... – Я его как будто въяве вижу!.. –
Над городом... – Под стать мятежному Парижу... –
Народ которого изгнал из душ Христа... –
Вы это сделали!.. – *И кара неспроста*
Грозит возжаждавшим добычи горожанам
И станет им тогда возмездием неожиданным
Явление Ангела небесного, а тот,
Обрушив камень, их с лица земли сотрет.

С улыбкой грустною ответил я: “Предвижу,
Что схожая судьба отмерена Парижу,
Но если небеса проклятьем нам грозят,
То, значит, вместо нас иной отроют клад.
Однако – где? Какой? Божественная сила
И в чувствах, и в умах лишь здесь себя явила,
Им здесь благоволят; и Ангел смерти нас,
Колени преклонив, почтит в последний час,
Вторичного страшась богоубийства, коим
Наш век закончится, но мы того не стоим.
И тщетно задавать бессмысленный вопрос:
Узрел ли тучу я, увидел ли утес?
Давай-ка спустимся... Кто знает, в чем причина
Того, что дух парит, а плоть блазнит пучина?
В хаосе создают незыблемую твердь
Две формы бытия – СТРАДАНИЕ и СМЕРТЬ.
Уходит род людской и город умирает,
И прах, бесплодный прах всю землю укрывает...
Увидев тлен и прах Парижа на пути,
Постой минуточку и нас сожми в горсти,

И, видя, что вокруг одно пустое поле,
Воскликни: “Здесь Вулкан торжествовал на воле!”
И оцени мой труд, что ныне прахом стал,
И тех, кого я здесь так бегло описал,
А сколько, кроме них, других талантов было,
Которых их стезя на сцену выводила!
Толпа любила и освистывала их,
Исполненных надежд и помыслов благих,
А власть и золото, страданье и терпенье —
Все подвергавших осмеянью и сомненью,
А потому была судьба у них одна —
Пить это зелье тошнотворное до дна!
Что ж, Путник, пробил час, простимся мы с тобою,
Развей по ветру прах над голою землею.
Пусть следом голос твой уносит ветер прочь,
Когда ты вопиешь: “*Весь мир отныне ночь!*”

*Париж,
16 января 1831 г.*

